

«Пасхальный мир» Николая II, когда звонил колокол по Витте*

Таирова Нелли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры государственного и муниципального управления
Кандидат исторических наук, доцент
mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

Пасхальный мир Николая II, так называемый семейный мир русского царя приносил ему покой, счастье, любовь. Особую роль играли два вида традиций в дни пасхального праздника: «аристократический», когда царь дарил любимым женщинам (матери и жене) драгоценные яйца знаменитого ювелира Карла Фаберже и «народный» — царь как «хозяин» всей Руси в день Святой Пасхи по-отечески целовал близких и солдат, т. е. по православному обычаю христосовался с подданными и дарил фарфоровые яйца от Фаберже. Пасхальный мир Николая II — это реминисценции счастливых мгновений в жизни его семьи и триумфальных событий в годы его правления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пасхальный мир Николая II, смерть С. Ю. Витте, сувенирные яйца фирмы Карла Фаберже, историческая память, колокольный звон

Tairova N. M.

«The Easter World» of Nicholas II during the Bell for Witte Tolded

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of State and Municipal Management
PhD in History, Associate Professor
mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

The Easter world of Nicholas II, the so-called family world of the Russian tsar brought him rest, happiness, love. A special role was played by two types of traditions in days of the Easter holiday: "aristocratic" when the tsar gave to beloveds (mother and the wife) precious eggs of the famous jeweler Karl Faberge and "national" — the tsar as "owner" of all Russia in day the Saint Easter paternally kissed relatives and soldiers, that is on orthodox custom exchange a triple kiss with citizens and gave porcelain eggs from Faberge. The Easter world of Nicholas II is reminiscence of happy moments in life of his family and triumphal events in days of his rule.

KEYWORDS

Easter world of Nicholas II, S. Yu. Witte's death, souvenir eggs of firm of Karl Faberge, historical memory, bell-ringing

¹ Окончание. Начало см.: Управленческое консультирование. 2016: № 3. С. 166–183; № 9. С. 159–171; № 10. С. 173–184; № 11. С. 149–163. 2017: № 2. С. 103–120; № 3. С. 134–145; № 4. С. 176–192; № 7. С. 153–168; № 8. С. 142–154; № 9. С. 178–192.

Автор выражает большую благодарность за оказанную помощь при написании данной работы И. В. Чigareвой (начальнику информационно-библиотечного управления СЗИУ РАНХиГС), О. В. Великодворской (зав. отделом редких книг научной библиотеки СЗИУ РАНХиГС), Е. Ю. Головиной (зав. отделом обслуживания), сотрудникам редакции журнала «Управленческое консультирование»: Е. Ю. Князеву (директору издательско-полиграфического центра), Е. В. Антоновой (зав. издательским отделом), Л. И. Полях (заместителю начальника управления научной работы СЗИУ РАНХиГС) и моей семье за терпение и понимание.

В письме к Александре Федоровне от 28 февраля 1915 г. Николай II выражает удивление тому спокойствию, которое происходило в этот день в его душе. Он перечисляет события, сопутствующие этому состоянию: вчера беседовал с нашим Другом (Г. Распутин), получил газеты от Бьюкенена (английский посол), узнал о смерти Витте (мятежный министр). Безусловно, главным посылом в письме является весть о смерти Витте. И далее, звучат сакральные слова, известные только им двоим, что в сердце его царит «истинно пасхальный мир», который хотел бы передать и ей [8, с. 99]. Николай II погружает и себя, и Александру Федоровну в мир грез и мечтаний друг о друге. В это время Николай ехал на фронт, Аликс осталась с детьми в Царском Селе.

Пасхальный мир Николая II отгораживал его от всего остального мира — он любил семью, чтит традиции и искренне любил дарить любимым женщинам — матери и жене — сувенирные драгоценные пасхальные яйца. Все остальное его не впечатляло. Царь жил в этом мире, это был мир Его собственной семьи — императрицы Александры Федоровны и их детей. В их душе один раз в году звонко звучал пасхальный красный звон, которым они наслаждались до следующего года. Кульминацией пасхального мира было умиротворенное состояние души, где воскрешались самые важные и трогательные воспоминания их совместной жизни и события, исторически памятные для династии или страны.

Известно, что в пасхальный день Николай и Александра приняли решение о совместном пути — они стали женихом и невестой 20 апреля 1894 г. в Кобурге (Германия), где на свадьбе брата Александры цесаревич Николай с другими великими князьями Дома Романовых представлял Россию. Десять дней блаженства прошли незаметно, возвращался Николай в Россию с грустью в сердце от расставания, но с чувством любви к своей невесте: «Впервые в жизни я надел кольцо на руку. Это заставляет чувствовать себя немного смешным» [7, с. 37]. Николай был «смешным» от счастья, что он теперь не один и когда трогал кольцо, то оно было напоминанием о помолвке с любимой. В июне Николай не выдержал разлуки, сел на борт императорской яхты «Полярная звезда» и взял курс на Англию, где у бабушки в Виндзоре находилась Александра. В Виндзорском замке Николай представил свои официальные подарки к помолвке: кольцо с розовой жемчужиной, ожерелье из розового жемчуга, браслет — цепочку с массивным изумрудом и бриллиантовую брошь с сапфиром. Наиболее изумительной красоты было ожерелье из жемчуга и бриллиантов как обручальный подарок своей невестке Александре от Александра III. Заказ ювелирных изделий был выполнен фирмой Фаберже ценой 250 000 тыс. руб. золотом [7, с. 38].

В императорской семье существовали два начала духовной традиции: аристократическая (дарение драгоценных пасхальных яиц фирмы Фаберже) и народная (целование и раздача мелких изделий, фарфоровых яиц и т. д.). Духовная традиция дарения крашеного яйца есть главный смысл Святой Пасхи и занимает центральное место в ее обрядности. В семье русского императора соединилась как религиозная, так и светская основа христианского праздника.

Пасхальный мир Николая II — это мир не только душевного отношения православного человека к Пасхе и ее символу, но было и нечто другое — это была крепкая традиция, унаследованная Николаем от августейшего отца — Александра III, как культурная традиция дарения в их семье ювелирных пасхальных яиц фирмы Карла Г. Фаберже (1846–1920), который был владельцем ювелирной мастерской с 1872 г.

В 1885 г. Александр III сделал заказ на выполнение пасхального яйца («Курочка») как сюрприз для императрицы Марии Федоровны (Дагмар). Хотя идея не была оригинальной, но император хотел порадовать супругу сюрпризом, который мог бы напомнить ей родной Копенгаген и хорошо знакомую традицию из датской королевской семьи. В ее коллекции находились три пасхальных яйца начала XVIII в., и Фаберже, к которому обратился царь, воспроизвел одно из них. Как ценитель высокого искусства Александр III понял значимость возникновения отечественного ювелирного производства при императорском дворе и независимость от дорогой западной продукции. В этом же 1885 г. он назначил Фаберже на должность придворного ювелира и присвоил звание Поставщик императорского двора с правом изображения знака двуглавого орла на ювелирных изделиях¹.

В течение десяти лет (1885–1894) императрица Мария Федоровна получала в дар драгоценные пасхальные яйца от своего супруга Александра III, а после его смерти семейную традицию бережно сохранял Николай II, даря ежегодно памятные шедевры ювелирного искусства обеим императрицам — августейшей матери и жене Александре Федоровне. Главное условие заказа состояло в его уникальности и единственности, в яйце содержалось чудо-сюрприз, которое раскрывалось лишь в день дарения на Пасху. В течение года даже заказчику не раскрывали его тайны и все ждали каким чудом-яйцом удивит их Фаберже на этот раз². Вполне вероятно, выбор семейной или юбилейной тематики пасхальных яиц все-таки мог принадлежать Николаю II, что указывает на его пристрастия к изображению сугубо личной жизни и страниц истории, наиболее значимых и почитаемых в императорской семье. Каждый год в семье ожидали, какое чудо в следующий раз преподнесет Фаберже. Как известно, Николай II тщательно готовился к Светлому Христову дню Пасхи и руководствовался своим художественным вкусом, выбирал подарки для своих родных независимо от их стоимости, искренне радуя себя и своих родных ежегодно. Между тем Александра Федоровна имела иной подход — она сопровождала свои заказы собственными рисунками, тем самым удешевляя ювелирные изделия, что позволяло ей заранее оговаривать с фирмой стоимость подарков. Фирма вынуждена была идти на финансовые уступки императрице, терпя при этом материальные убытки³.

Итак, если проследить за сюжетами пасхальных яиц, то можно видеть не только художественный вкус русской императорской фамилии, но и изучать страницы жизни, глубоко раскрывающие ее радости и переживания. Одним словом, пасхальные яйца Фаберже — это документальное летописание жизни императорской супружеской четы Николая II и Александры Федоровны Романовых. Все семейные ценности воплощались в христианской форме «раскрашенного» пасхального яйца, приобретая не только фамильную, но и историческую значимость.

Так, в 1895 г. Николай II преподнес своей Аликс первое пасхальное яйцо фирмы придворного ювелира Карла Фаберже (императрица Александра Федоровна получила от супруга в качестве ежегодного подарка 20 пасхальных яиц-сюрпризов). Первый императорский дар «с бутонem желтой розы» был посвящен приятным воспоминаниям о ее родном городе Дармштадте, гордившимся своими цветами

¹ Кудрина Ю. В. Фаберже и Императорский Двор [Электронный ресурс]. URL: unieberega.ru/node/689 (дата обращения: 12.06.2017); Mogens B. The Hen in the Egg. The Royal Danish Colleechous. Amalienborg, 1999 [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Яйца_Фаберже (дата обращения: 12.06.2017).

² Пасхальное яйцо Фаберже [Электронный ресурс]. URL: biofile.ru/bio/38089.html (дата обращения: 18.06.2017).

³ Горбутович Т. Как христосовались покупатели Фаберже. Россия времен Александра III и Николая II. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: gorbutvich.livejournal.com (дата обращения: 15.10.2016).

и парками (как видно, Николай не оказался оригинальным, он повторил идею своего отца), где юная Аликс в кругу семьи была счастлива и солнечно улыбалась. Именно за ее улыбку, любимая бабушка, английская королева Вики (Виктория), назвала ее «красавицей — солнечным лучиком» (Sanny) [7, с. 32].

Знаменательным из пасхальных яиц было первое памятное яйцо «Коронационное», преподнесенное императрице Александре Федоровне в честь коронации на русский престол в 1896 г. Оно отражало точную копию императорской кареты Екатерины II, использованную при коронации Николая II и Александры Федоровны, особенностью которой являлись «занавески» из горного хрусталя, выгравированные прямо на окнах (художники М. Перхин и Г. Штейн). Вполне вероятно, Николай II пытался погрузить Аликс в историю России и золоченая карета Екатерины II олицетворяла образ успешного правления немецкой принцессы на русском престоле¹, как некий намек на ее будущее золотое правление в России. По прошествии четырех лет после смерти августейшего отца в 1898 г. Николай II подарил своей матери яйцо, раскрывающее исключительно ее общественную благотворительную деятельность, под названием «Вдова» (второе название «Пеликан»): яйцо разворачивается на восьми пластинах миниатюр-картин, отражающих учреждения, основанные вдовствующей императрицей Марией Федоровной, где Пеликан выступает символом благотворительности. В 1903 г. Николай II презентует императрице Александре Федоровне к 200-летию основания города пасхальное яйцо «Петр Великий», внутри которого находилась модель памятника «Медный всадник» скульптора Э. М. Фальконе (1716–1791), который был открыт к столетию воцарения Петра Великого по приказу Екатерины II. Скульптура стала официальным символом Петербурга, а свое название «Медный всадник» получил от А. С. Пушкина, который посвятил ему одноименную поэму.

На протяжении последующих лет были заказаны пасхальные яйца, касающиеся непосредственно семейной жизни императорской четы, как дань переживаниям и радостям, происходящим в их семье. Так, в честь рождения в 1904 г. долгожданного наследника по заказу Николая II в 1910 г. было выполнено пасхальное яйцо «Колоннада», олицетворяющее в аллегорическом смысле «храм любви». Выбор пал на образ колонны как космической силы не случайно. Колонны символизируют «мировую ось» (лат. *axis mundi*), в круге которой все выражает любовь и все кружится вокруг нее. Любовь Николая II и Александры притягивала многих, в ней сохранялась сила магического и таинственного, что придавало возможность выразить в художественной форме образ влюбленных. С одной стороны, колонны как «храм любви», поднимаясь ввысь, указывают на устойчивость семейного счастья, а внутри храма — пара голубей, олицетворяющих императора и его супругу. Влюбленные голуби сидят на яйце, отображающем часы и указывающем на то, что время любящих друг друга голубей бесконечно. Вершину колоннады завершает купол, который венчает златокрылый мальчик — Купидон, самый гуманный из божьих рати ангел, а в основе колоннады сидят четыре херувима, олицетворяющие небесных существ, близких к Богу. В аллегорическом изображении образ Купидона символизирует наследника цесаревича Алексея, а четыре херувима представляют его сестер — Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Пасхальный подарок был выполнен в пастельном бледно-розово-белом цвете, что придавало ему изумительную красоту, сохраняя краски божественного дня Пасхи. В «Колоннаде» соединены в символической форме возвышенные чувства, рассеивающие тем самым панические настроения императорской семьи в связи с опасной болезнью наследника. Николай II преподнес своей супруге роскошный подарок, который ожидался в течение года и никто не знал о его замысле. Считалось, что Фаберже как мастер

¹ Яйцо Фаберже «Петр Великий», Виргинский музей изящных искусств, Ричмонд, США.

был не только гениальным в своем творчестве, но, как говорили, обладал и даром предвидения. Возможно, как провидец, он мог пророчески уловить в их любви нечто трагическое? Станным образом, но у Фаберже и Николая II имеются общие две параллельные линии: оба родились в мае и у обоих матери были датчанки. Впрочем, не это является определяющим в их отношениях. Фаберже глубоко вникал в содержание своих изделий, используя в них символы, аллегории, мифы. Неслучайно в понятии «колонны» можно усматривать двойные символические знаки, повернув их в обратную сторону можно получить в нем аллереорию с мерцающим инфернальным смыслом. В своем значении понятие «колонны» символизирует не только мировую силу, но и жертвенный крест, поэтому в самом названии подарка существует некий мистический смысл: «колоннада» не есть «храм любви», это ад, где в замкнутой клетке затаились два любящих голубка — Александра и Николай. В июле 1894 г., когда Аликс и Николай находились три дня вдвоем в коттедже ее старшей сестры в Уолтон-он-Темз, то между ними царил настоящая семейная идиллия: они садились под старыми каштанами на траву — Аликс вышивала, а Николай читал ей. Не случайно, спустя годы при простом упоминании слова «Уолтон» в глазах Аликс появлялись слезы. Симптоматично, с долей провидения при прощении она вписала в дневник Николая проникательное послание: «Любовь захвачена в плен, я связала ей крылья. Больше она не скроется, не улетит от нас. В наших соединившихся сердцах всегда будет петь любовь». Еще ранее она сделала запись в его дневнике: «Я твоя, а ты мой, будь уверен. Ты заперт в моем сердце, ключик потерян, и тебе придется остаться там навсегда» [7, с. 38, 40]. В этих словах есть нечто трагическое и оно поглощает красоту их любви.

Что касается Купидона-царевича, то он парит где-то в вышине, ближе к Богу — он ангел, а херувимы — его сестры, сидящие в основе колоннады и связанные единой цветочной гирляндой из золота опоясывают их единственное убежище. На самом деле в художественной форме представлено реальное воплощение конкретных людей, жизнь которых еще не имеет конца, хотя начало какого-то неведомого страха колеблет их существование. Неслучайно их образы воплощены в мифологические существа, чтобы скрыть приближающуюся трагедию царственной семьи. Пожалуй, это мистическая ассоциация, прижизненный «памятник» императорской семье в бледно-розово-белом интерьере колоннад.

К сожалению, после рождения наследника престола семейная радость двух любящих друг друга людей обернулась семейной трагедией. Николай и Аликс стали заложниками своей судьбы, сначала в ожидании наследника, а затем в страхе за его жизнь. Когда долгожданный наследник появился на свет, то радость оказалась преждевременной, ибо сын унаследовал родовую болезнь — гемофилию, носительницей которой являлась царица. Эта болезнь передавалась на генетическом уровне по женской линии: от бабушки — английской королевы Виктории к дочери, а затем к внучке¹. Как правило, болезнь создавала проблемы по мужской линии, наследники умирали либо в малолетнем возрасте, либо в молодости. О болезни, когда Николай сватался к Алисе, никто не вспоминал. Станным образом все ее родственники стремились к тому, чтобы внучка английской королевы попала на русский престол, имея, возможно, на это далеко идущие дипломатические планы. Сама бабушка успокаивала внуку, высказав экзотическую мысль, что православие в своей основе не так уж сильно отличается от протестантизма [7, с. 35]. И никто не вспоминал, что брат Аликс, на чьей свадьбе была ее помолвка с Ники, был болен гемофилией, а она, будучи

¹ Знаменательно, но по стечению обстоятельств, пасхальное яйцо-часы «Колоннада», подарок Николая II своей супруге, в 1929 г. попало в коллекцию британской королевской семьи Георга V и королевы Мэри. С 1953 г. «Колоннада» по наследству находится в коллекции английской королевы Елизаветы II.

носителем этого коварного гена, может принести России проблемы с рождением будущего наследника престола. Но это был брак не по расчету, как было принято заключать в императорских семьях, а по влечению сердца и любви. Возможно, возлюбленные знали о сложностях, с которыми они могут столкнуться при рождении наследника, но наперекор судьбе не смогли разорвать узы любви.

Поводом для подарка в Пасхальный день 1911 г. стала торжественная дата — 15-я годовщина царствования Николая II и Александры Федоровны на русском престоле¹. Заказ выполняли ювелир Генрих Вигстрем и миниатюрист Василий Зуев фирмы Фаберже. Авторы разработали три сюжетных направления, изображающие исторические эпохи царской России. Апофеозом пасхального яйца стали 7 миниатюр — портреты членов императорской семьи. Они расположены на фоне картин-миниатюр, образующих 9 исторических сцен, знаковых не только для страны, но и лично ценимых Николаем II. Пасхальное яйцо было разделено на 18 секторов, из них: 7 миниатюр портретной живописи, 16 миниатюр запечатлели особенно значимые исторические события, отвечающие патриотическому настрою императора, а два сектора отражали знаменательные даты его личной жизни: «1894» — год свадьбы Николая и Александры и «1911» — дата 15-й годовщины правления Николая II с момента коронации. Итак, Николай II не только признавал подвиги императора Петра I, но и придавал им большую значимость в истории страны. В картину-миниатюру вошло открытие памятника в честь 200-летия Полтавской битвы в 1909 г. Николай II продемонстрировал близкую связь с Преображенским полком, когда в конце июня 1909 г. посетил поле Полтавской битвы, где произошла победа над шведским королем Карлом XII. Вечером 25 июня в костюме преображенца Николай II пришел на обед в полковой бивак, слушал рассказы о легендарных страницах из истории Преображенского полка, о том, как Петр I по Божьей милости остался цел и невредим, хотя три пули попали в его амуницию. Находясь в полку, царь был на равных с офицерами. В честь царя полковой хор пропел «Боже, царя храни!». Затем спели известную в полку песню «Три пули». В ней отразился героический эпизод с участием Петра Великого². Сопровождал царя командир полка в. кн. Константин Константинович, который в своем дневнике отметил, что песни «спетые потомками Петровых сподвижников, на том самом месте, где их предки «венчались кровью» 200 лет назад, «отдавались в душу»³. На другой день состоялся парад: Николая II сопровождали три офицера — прямые потомки тех, кто сражался под Полтавой вместе с Петром — В. Кочубей, А. Шереметев и П. Скоропадский. Царь произвел новые назначения — В. Кочубей и А. Шереметев были произведены в генерал-адъютанты. При этом, царь с иронией заметил, что в отличие от них, он не смог достигнуть такого звания⁴. Вторая миниатюра была связана с открытием памятника в 1910 г. Петру I в Риге, где Николай II торжественно снимал с памятника покрывало.

Рядом с Петром Великим стоит имя Александра III, оба выступают как образцы правления в России. Николай II протянул линию исторической памяти, сохраняя значимость тех событий, которые подчеркивали мирный характер правления Его августейшего Отца. С именем Александра III было связано открытие Русского музея в 1895 г. в Санкт-Петербурге и моста в Париже в честь дружбы между Францией и Россией⁵.

¹ Фонд «Связь времен» — коллекция Виктора Феликсовича Вексельберга, Москва, Россия.

² Гирс А. Светлые и черные дни // Часовой. 1953. Март. С. 9–10; Апрель. С. 9.

³ Дневник Константина Константиновича, 5 марта — 12 декабря 1909 года. ГАРФ. Ф. 660. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 65–68.

⁴ Там же. Л. 68–69. См.: [10, с. 570–571].

⁵ Мост в честь Александра III был заложен как символ дружбы между Россией и Францией по инициативе Николая II и президента Франции Феликса Форы в 1896 г., когда российский император находился с официальным визитом в Париже.

И наконец, события, связанные с памятливыми датами личного характера и реальными деяниями Николая II за 15 лет царствования со дня его коронации (1896–1911). Как видно, выбор пал на особо дорогие Николаю II и императрице Александре Федоровне в их жизни триумфальные события, из них — коронация, Успенский собор в Кремле, место проведения первой Гаагской мирной конференции, церемониальный прием членов Государственной Думы в Зимнем дворце, обретение мощей Серафима Саровского.

Попробуем понять столь широкий спектр исторических событий, который оптимистически настраивал и увлекал Николая II в глубинные личные впечатления, что позволяло проявлять интерес к истории родины и сохранять память о них в семейном кругу. В миниатюрах, расписанных художником Василием Зуевым на изящных панелях из слоновой кости, фиксируется образ власти при исполнении церемониальных традиций и ритуалов. К примеру, для Дома Романовых огромное значение играли церемонии священного коронования. Так, Петр Великий указом от 16 мая 1721 г. день коронации причислил к личностному празднику, объявляя важность этого события наравне с царскими днями рождения и тезоименитства¹. Вместе с тем Успенский собор Кремля в Москве был объявлен сакральным местом для коронации русских царей. Церемония венчания на царство была известна с времен Ивана III как символ правопреимства и византийской государственности. Главными эпизодами пасхального яйца стала процессия шествия Николая II и Александры к Успенскому собору и момент, когда Николай II возлагает на свою голову Большую корону. Коронование царское есть торжество, символом которого являлось таинственное священнодействие — от Господа вручается царю власть и подается благодать Святого Духа — для управления поверенным ему народом². После коронования царь становился полноправным Хозяином Русской земли и хранителем русского государственного строя — самодержавия. Началом коронационных мероприятий был объявлен день рождения Николая II — 6 мая, а завершением был намечен 26 мая, т. е. коронационные дни проводились в течение 20 дней. Из казны было выделено на проведение коронации 100 млн руб. Казной распоряжался министр финансов С. Ю. Витте. Все распоряжения по приготовлению к торжествам были возложены на министра императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова. В звание верховного маршала был обласан граф К. И. Пален, в звание верховного церемониймейстера — князь А. С. Долгоруков. Обязанности герольда исполнял чиновник Сената Е. К. Прибыльский. Был сформирован коронационный отряд в числе 82 батальонов, 36 эскадронов, 9 сотен и 28 батарей — под главным начальством великого князя Владимира Александровича, при котором был образован особый штаб с правами Главного Штаба во главе с генерал-лейтенантом Н. И. Бобриковым. Великий князь Владимир Александрович прибыл в Москву и вступил в командование 3 мая 1896 г.³

Первый царский въезд в Москву — первопрестольную столицу — произошел 9 мая. Этот день был обставлен с царственным величием: император ехал на коне по кличке Норман. Вдовствующая императрица Мария Федоровна сидела в первой золотой карете, следом за ней в столицу въезжала на карете Екатерины II — императрица Александра Федоровна [4, с. 143]. В Москве народ царя встречал с радостью и любовью. В свою очередь, от имени царя во время коронования разбрасывали монеты различного достоинства (золотые и серебряные). Специально к коронации были выпущены коронационные монеты, медали и жетоны, раздавали

¹ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / [Электронный ресурс]. URL: dic.akademic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/55517/Коронация (дата обращения: 15.10. 2016).

² Шпановский Л. П. Священное коронование и помазание русских государей на царство. Одесса. Типография Е. И. Фесенко, 1896. С. 19–21.

³ Правительственный вестник. 5 (17) мая 1896. № 99. С. 2.

подарки. По традиции Николай II короновался на престол вместе со своей супругой Александрой Федоровной обрядом помазания на царство 14 мая 1896 г. в Успенском соборе, затем в Грановитой палате проходила трапеза, а вечером Аликс зажигала на колокольне Ивана Великого электрическую иллюминацию [4, с. 144–145]. Этот знаменательный день Николай II запомнил на всю жизнь. Дата коронации не совпадала с датой, когда государь стал главой страны. После смерти Александра III в 1894 г. решили, что ввиду траура по усопшему августейшего Отца, дату коронации отложить на полтора года. Мистическое венчание с государством произошло, когда он стал полновластным «помазанником Божиим» во время церемонии Священного коронования. В дневнике Николай II запишет 14 мая (вторник): «Все это произошло в Успенском соборе, хотя и кажется настоящим сном, но не забывается во всю жизнь!!!». Царь в день коронации был счастлив, об этом дивном мгновении указывают три его восклицательных знака.

К несчастью, коронация была омрачена гибелью людей. Когда, 18 мая, стали раздавать царские подарки (всего было заготовлено 400 000 наборов гостинцев, 30 000 ведер пива и 10 000 ведер меда), то на народном празднике началась давка, в результате чего погибло по официальным данным 1389 человек и примерно полторы тысячи получили различные увечья. Случился «великий грех», произошел трагический исход на Ходынском поле. Несмотря на печальный «народный праздник» по совету дяди в. кн. Сергея Александровича (впоследствии его стали называть Князь Ходынский) царь подчинился установленному порядку и согласно церемониалу участие в намеченных мероприятиях этого дня не отменялось. Царь посетил бал, намеченный на вечер 14 мая у Л.-Г. Монтенбелло — французского посла в России, где танцевал кадрили [4, с. 145–146]. Однако царь мог отменить публичные посещения, а также выступить перед народом со словами скорби. Что же помешало ему это сделать? Причина такого поведения царя скрывалась не столько в его безволии, сколько в силе самодержавной власти, на которую давила имперская традиция, принуждая самосознание царя не замечать гибель народа. Вершина власти не позволила отказаться от намеченного бала, где вечером в дипломатическом экстазе соединилась петербургская, московская и французская аристократия. Царь вступил на противоречивый путь — он проигнорировал боль народа и не объявил траур. В последующие дни для успокоения души, царь лишь распорядился выдать по 1000 руб. тем семьям, кто потерял близких людей в давке на Ходынском поле¹. Поговаривали, что это дурное предзнаменование для правления молодого царя. Николай II короновался на престол молодым, ему в дни коронации исполнилось 28 лет, а в его душевном строе, видимо, не сложилось чувство вины и сострадания. Случайность, лишь омрачила на какой-то миг чувства молодого царя, но в целом день прошел как праздник личный и душевный.

25 мая отмечали второй день рождения императрицы Александры Федоровны, который она праздновала в России. В жизни ничего случайного не происходит, даже дни рождения императора и императрицы мистически соединились в один месяц май. Как гласит народная примета, кто в мае родится, тот всю жизнь будет маяться. Известно, что на судьбу рожденных в мае, как правило, выпадает большое количество испытаний и трудностей. А тут еще и коронация в мае... Между тем знаменательный день прошел не без курьезов. Так, на церемонии коронации, когда великий князь Владимир Александрович поправлял порфиру Николая II, он случайно зацепил на его груди тяжелую бриллиантовую цепь, на которой висела лента с орденом Св. Андрея Первозванного, как символ могущества и непобедимости России. Лента, разорвавшись, соскользнула с горностаевой мантии на пол,

¹ Жертвы на Ходынском поле 1896 года [Электронный ресурс]. URL: www.itishistory.ru/1i/10_katastrofi_61.php (дата обращения: 16.10.2016).

но ее незаметно для других подхватил стоявший рядом молодой Карл Маннергейм (будущий маршал и президент Финляндии), тем самым он спас авторитет царя перед большим числом царственных особ и иностранных гостей. Царь благосклонно отнесся к такому поступку К. Маннергейма и в дальнейшем покровительствовал ему. Во время церемонии вдовствующая императрица вдруг почему-то зарыдала, а царица Александра Федоровна неожиданно покрылась багровыми пятнами. От напряжения и усердия обер-церемониймейстер Н. И. Салтыков упал в обморок, а статс-секретарь и член Государственного совета Д. Н. Набоков от расстройства кишечника напустил в штаны¹. В заключительный день (26 мая) была учреждена памятная серебряная медаль с надписью «В память коронации императора Николая II».

Следующим мотивом, в изображенном сюжете был так называемый Лесной дворец — резиденция голландской королевской семьи — Хейс-тен-Бос, где в 1899 г. по инициативе российского императора Николая II проходила первая международная мирная конференция по разоружению. Она была открыта в день его рождения 6 мая как признание мировых держав его инициативы и авторитета. Выбор места проведения мирной конференции принадлежал также Николаю II, что было не случайным фактом.

Яркой личностью для подражания был первый император России Петр Великий, чьи реформы имели свое зарождение именно в Нидерландах. Вторая Гаагская мирная конференция проходила в 1907 г., инициатором которой также был Николай II. После первой мирной конференции прошло восемь лет, Россия за этот период прошла путь поражения в войне с Японией (1904–1905) и не могла принять безоговорочно некоторые пункты конвенциональных постановлений (1907). Россия должна была восстанавливать свой флот и свою армию, в связи с этим она пыталась обойти пункт об ограничении вооружений. Хотя вопрос о сокращении вооружений был похоронен, однако все усилия Николая II были направлены на развитие гуманитарных связей и мирного сосуществования народов мира. Безусловно, этот успех выдвинул императора Николая II в лидеры международного уровня. Он гордился этим и не мог не включить Гаагскую мирную конференцию в разряд триумфального события в его жизни. К внутреннему грандиозному проекту в России относится детище «Транссибирская магистраль», Николай II позволил заказать пасхальное яйцо в честь ее строительства и открытия и подарить в 1900 г. императрице Александре Федоровне. Основными вдохновителями Дальневосточного пути сообщения являлись два царя — Александр III и Николай II, а также министр финансов и специалист по железным дорогам С. Ю. Витте. На яйце была отчеканена карта империи с магистралью, а внутри сюрприз-модель поезда (ювелир М. Перхин)².

Другим не менее значимым в его жизни стал политический проект переустройства царской государственной системы управления — Манифест 17 октября 1905 г. и создание Государственной Думы. Это был совместный проект Николая II и С. Ю. Витте. В миниатюру попал момент Тронной речи императора Николая II, произнесенной в Георгиевском зале Зимнего дворца 27 апреля 1906 г., когда он вел церемониальный прием депутатов Государственной Думы (нижняя палата) и членов Государственного совета (верхняя палата) в полном составе. Среди членов Государственного совета находился Витте. По воспоминаниям А. Ф. Кони, Витте стоял «с угрюмым выражением лица, огромный и грузный». Витте в знак уважения молча поздоровал-

¹ См.: [9, с. 124]; Все как у людей: курьезы коронации Николая II [Электронный ресурс]. URL: romanovs-russia.blogspot.ru/2015/11/ii.html (дата обращения: 16.10.2016).

² Пасхальное яйцо «Транссибирская магистраль» находится в коллекции Оружейной палаты Московского Кремля, Россия.

ся с Кони. Прием осуществлялся в соответствии с ритуалом — присутствовали близкие и дальние царские родственники («Мы Николай II»), на кресле с правой стороны от царя лежали царственные регалии. А. Ф. Кони обратил внимание, что они лежали «неимпозантно», рядом с ними диссонансом висели две старинные картины с изображением скачущего на коне Петра навстречу «преславной Полтавской виктории». Никто не догадывался, что этот день царская семья восприняла как день похорон самодержавия. Когда царь вошел в Георгиевский зал, то было заметно, что он более бледен, чем всегда, однако шел ровно, неторопливой походкой к трону. При чтении своей Тронной речи он преобразился, выпрямился и с оживленным лицом и громким голосом, в котором слышались чуждые русскому уху звуки, прочитал свою речь к «лучшим людям» страны. Что касается двух императриц, то они стояли на возвышении по правую сторону трона, обе были одеты с ослепительной роскошью и буквально залиты в бриллианты [5, т. 2, с. 355–359]. Любопытно, после окончания речи, депутаты отправились на пароходах в Таврический дворец, они спешили начать свое первое заседание, царь воспринял этот шаг как неуважение к своей персоне. Без свидетелей, в будуаре Александра Федоровна утешала своего мужа, причитая говорила, что она все это предвидела... предвидела. Царь стоял и плакал — слезы текли по лицу. Оба были глубоко потрясены. Первая встреча с народными избранниками явилась для него потрясением. Эту сцену застала Мария Федоровна и уже при матери царь неожиданно ударил по локотнику кресла и крикнул: «я ее создал и я ее уничтожу — так будет. Верьте мне»¹.

И все-таки этот день стал в Петербурге выдающимся днем, народ высыпал на набережную Невы, заполнил проходы улиц, ведущих к Зимнему дворцу, доступ к нему был свободен. Несмотря на присутствие многочисленной охраны, различных родов войск — никто никому не угрожал. Все ожидали выхода императорской семьи. Она появилась после окончания торжественного приема по случаю открытия заседания Государственной Думы. На улицу император вышел в окружении двух императриц: супруги — Александры Федоровны (она была одета в торжественно белый наряд, который гармонировал с белым военным мундиром императора) и матери — вдовствующей императрицы Марии Федоровны (в противоположность снохи и сына, избравшей для этого дня контрастный цвет — платье темного цвета). Николай II, в окружении своих дам, как обычный гражданин, шел по набережной Невы, все взгляды были устремлены на три царственные фигуры. Охрана вела спокойно, а главное в народ никто не стрелял. Это был знаменательный день, впервые Николай II не боялся своего народа и свободно шел по набережной. Во взгляде Николая II сквозило спокойствие, он на миг, видимо, взглянул на фотоаппарат в руках репортера, который оказался рядом с ним, снимок мгновенно запечатлел выражение детского любопытства².

Что касается последнего эпизода в изображении пасхального яйца, обретения мощей Серафима Саровского, то его следует отнести к сугубо личному восприятию Николая II и Александры Федоровны образа преподобного Серафима Саровского. Николай с детства во дворце видел три портрета монаха, но он не знал, кто изображен и почему его августейшая бабушка императрица Мария Александровна высоко чтила о. Серафима из Сарова.

По стечению обстоятельств именно Мария Александровна при рождении Аликс предрекла, что все должны кланяться Аликс как будущей русской царице (Павел I, Александр II и Николай II имели супруг из Гессенского Герцогского дома,

¹ Мария Федоровна об этом инциденте рассказала своей статс-даме Араповой 29 апреля 1906 г. См.: [1, с. 489; 2, с. 18].

² Открытие первой Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: <http://ymorno.ru/index.php?showtopic=75736> (дата обращения: 16.10.2016).

Алиса Гессенская приходилась двоюродной сестрой кайзеру Германии Вильгельму II).

Николая II заинтересовал рассказ о С. Чичагова, который сообщил о таинственном письме-послании, написанном 70 лет тому назад ему Серафимом Саровским. Старец из Сарова, что близ Дивеева, якобы предсказывал, что его мощи будут прославлены «при четвертом царе» — после Николая I, Александра II, Александра III. Исторически так сложилось, что четвертым царем после них был как раз Николай II. Царь уверовал в предсказание и сообщил царице об удивительном рассказе, который он услышал от священника С. Чичагова. Царица всем сердцем прониклась рассказами о магической силе прп. Серафима Саровского, чьи предсказания всегда сбывались. Известно, что царица долгое время не могла родить наследника. Преподобный Серафим был знаменит тем, что обладал способностью помогать женщинам, имеющим проблемы с деторождением. Царица немедленно с придворными дамами стала готовиться к открытию мощей старца и причисления его к лику святых. Их усилиями были подготовлены дорогие облачения для Святого. Для Руси характерной чертой являлось установление символов религии мужского рода, начиная с образа Иисуса Христа, благочестивых князей и подвижников. Между тем в дело вмешался обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, возражая о немедленном устройстве торжества. Дело заключалось в том, что существовали веские причины, по которым невозможно было причислить к лику святых Серафима Саровского. В процессе эксгумации останков старца комиссия не подтвердила чудесного явления, как основного признака, по которому можно было бы определить его святость — нетленность мощей усопшего. Однако решимость и авторитет императрицы Александры Федоровны оказались сильнее всех формальностей и возражений со стороны церковных иерархов и государственных деятелей. Николай II ускорил перенесение мощей прп. Серафима Саровского, его единомышленниками были тов. обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер (1845–1929) и Санкт-Петербургский митрополит Антоний — в миру А. В. Вадковский (1846–1912). Фантастическое представление о нетленности мощей святых не было связано с церковной традицией, оно было исторически вплетено в жизнь Церкви как рецидив язычества¹. Канонизация иеромонаха Серафима Саровского происходила по решению Синода — она состоялась 17–19 июля 1903 г. В Дивеево прибыла вся царская фамилия, при огромном стечении народа несли гроб с мощами. Николай II лично участвовал в церемонии перенесения мощей святого в собор с золотым куполом, который был специально построен как «вместилище мощей святого» [6, с. 114], неся на своих плечах гроб представленного к лику святых прп. Серафима Саровского; свой крест несла и императрица Александра Федоровна, она с больными ногами простояла церковную службу от начала до конца (принцесса Алиса Гессенская 21 октября 1894 г. была присоединена к православной церкви святым миропомазанием с именем Александра). Вхождение императрицы Александры Федоровны и императора Николая II в мир святых православного почитания мощей предопределило дальнейшее их царствование. С этого момента оно проходит под покровительством Серафима Саровского. Молитвы и благостные ежедневные деяния чудесным образом повлияли на состояние императрицы, через три месяца святой чудесным образом дарует венценосной чете наследника, который родился в 1904 г. — 30 июля (12 августа) перед началом русско-японской войны. Серафим Саровский стал одним из почитаемых святых Александры и Николая II. Портрет

¹ Басин И. Миф мощей преподобного Серафима Саровского // Страницы: Богословие. Культура. Образование. М., 1977. Т. 2. Вып. 3. С. 385–397; Вып. 4. С. 538–549 [Электронный ресурс]. URL: krotov.info/history/20/1900/1903sera.html (дата обращения: 08.01.2017).

св. Серафима Саровского висел в рабочем кабинете Николая II¹. По сути, для Николая II и Александры Федоровны священный образ Серафима Саровского стал символом чудодейственного воздействия на рождение в их семье наследника цесаревича Алексея.

Светским событием в жизни страны стал день 21 февраля 1913 г., когда праздновали трехсотлетие Дома Романовых (1613–1913). В этот день в 1613 г. на московский престол был избран шестнадцатилетний боярин Михаил Федорович Романов, которому было суждено стать родоначальником династии. Пасхальное яйцо отражало в себе историю в портретах от первого до действующего царя Российской империи. По яйцу были распределены 18 миниатюр-портретов представителей династии Романовых. Внутри пасхального яйца 1913 года был глобус с отмеченной территорией России.

Пасхальный мир Николая II — это не только дарение драгоценных яиц гениального Фаберже, но и как важный обряд в Пасхальный день — православное общение с народом. Светлое Христово Воскресение считалось великим религиозным праздником. Император Николай II с детства был приучен к этому радостному празднику: дети не только христосовались со всеми, но и первым делом бежали в банкетный зал, где ели вкусные вещи, пили чай, пели традиционные песни после Великого поста, который длился семь недель [6, с. 26–27]. Николай II сохранил свои детские воспоминания и возвел их в традицию: целовался с каждым первым встречным после богослужения, ежегодно заказывал огромное количество фарфоровых яиц и других изделий, которые раздавал в армейских полках, а также среди народа на празднике. Главной церемонией Пасхального дня являлся обряд целования со словами «Христос Воскресе!». После христосования, если государь находился в полку, то ему приходилось мыть свое лицо и бороду, так как нижние чины фабрили (красили) косметическим составом свои бороды и усы, чтобы они держали форму. Вода после мытья лица становилась черной.

Николай II с 14 лет вел дневник своей жизни, день Пасхи вошел в дневниковые записи. Эти записи дают представление, как проживал этот день государь. Так, 4 апреля 1895 г. по записи известно, что он в 12.30 час. христосовался с егерями охоты. В этот день встречался со многими министрами, в том числе и с Витте; 22 марта 1896 г. (Пятник великий, последняя пятница перед Пасхой) — был на выносе плащаницы, 23 марта (Страстная суббота) — разбирал фарфоровые и стеклянные яйца с Бенкендорфом, затем в 11.15 тронулись в Большую церковь, где до обедни христосовался с 288 чел., в 2.30 возвратились в Малахитовую, где разгавливались, 24 марта — в Светлое воскресенье в 11.30 началось христосование со всеми, кто присутствовал в Малахитовой, почти 500 человек получили яйца [4, с. 72, 134–135]; 13 апреля 1902 г. — царь христосовался с 267 чел., потом церемония началась с придворными, а закончилась певчими. Всего за этот день через христосование прошли 730 человек²; а в Светлое Христово Воскресение 6 апреля 1914 г. традиционно через христосование с Николаем II прошли 512 человек³.

Пасхальные яйца Карла Фаберже как уникальное искусство способны были воздействовать на интимность душевных впечатлений, эмоционально возвышать чувства тем, кто получает их в дар и тем, кто их дарит. Николай II в этом отношении был щедр, поскольку имел обычай заказывать не только дорогостоящие,

¹ Пиотровский М. Б. Последний Российский Император. Семья и двор Николая II на рубеже веков. Каталог выставки. 45. Икона «Св. Серафим Саровский». С. 43. [Электронный ресурс]. URL: erm.vbgcity.ru/sites/default/files/Poslednii-Imperator.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

² Дневник Николая II. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 244 (1 января — 16 сентября 1902). Л. 73.

³ Там же. С. 456.

но и великолепные по своей роскоши и ценности пасхальные яйца Фаберже, что указывает на изысканность и утонченность художественного вкуса Николая II.

Однако то спокойствие, которое он хотел передать через «пасхальный мир» известия о смерти Витте своей супруге Аликс, не освободило Николая II от мучительных сомнений. Напротив, его напускное спокойствие указывает на то, что в душе Николая II не произошло облегчения, весь его антураж словесный, не что иное, как демонстрация для собственного окружения того, что он не был зависим от Витте. Несомненно, наступило время тревог и ожиданий, но священного пасхального мира так и не получил. Государь с беспокойством ожидал каких-то разоблачений Витте в его бумагах и в его книге воспоминаний. Интрига их отношений продолжалась даже после смерти Витте: охранка на следующий день после смерти опального Витте перлюстрировала все документы в его доме в Петрограде и на вилле в Биаррице (Франция). Искали личные бумаги и мемуары Витте, компрометирующие царя. Увы! Ничего не нашли. Как видно, Николай II до конца не был уверен в искренности Витте. Зная о подозрительности и интересе царя к архиву мужа, графиня Витте заблаговременно скрыла от царской охраны личный архив Витте в заграничном банке.

Хоронили графа С. Ю. Витте по «третьему разряду» без официальной церемонии. На прощальной церемонии в частном порядке присутствовали премьер-министр И. Л. Горемыкин (хотя при жизни явно находился по отношению к Витте не в кругу его друзей, а в оппозиции) и другие министры. На тот момент никто не мог предполагать, что через три года мученическую смерть примут те, кого Витте считал центром своей Вселенной, с кем многие годы творил мировую политику России. Рядом с царем уже не окажется ни друзей, ни соратников, ни династических родственников — только семья и путь по бескрайней родине в небытие.

Но после своей смерти граф С. Ю. Витте сам напоминает о себе царю. Витте не смог уйти по-английски — тихо и незаметно, он ушел по-виттевски. Какую еще историю с того света мог сотворить этот «безумный» Витте? По просьбе его жены Матильды Ивановны министр финансов П. Л. Барк передал царю предсмертное письмо Витте [3, с. 97].

Все было предельно просто, своим письмом он как бы напоминает царю, что не все дела еще завершил на этом свете, в последнем, извольте помочь! Витте играл по тем правилам, которые сам придумывал. Получив письмо Витте, Николай II от неожиданности смотрел на него, подобно римскому императору Тиберию, когда тот усомнился в словах Марии Магдалины, которые она произнесла, даря ему окрашенное в красный цвет яйцо: «Христос воскрес!». Легенда гласит, что он не поверил в «иррациональное» чудо — воскресение человека из мертвых, дескать, оно такое же, как то, что белое яйцо может стать красным. Не успев договорить свои слова, как на глазах Тиберия обыкновенное куриное яйцо окрасилось в кровавый цвет. Так и с письмом Витте: не воскрес же он? Но прочитав письмо, царь молча стоял несколько минут, видимо, задумался не только из-за необычайной просьбы Витте. Прощальным письмом Витте окончательно опроверг все сложившиеся слухи о своем предательстве. И действительно, способен ли человек в предсмертном письме обращаться к другому человеку с просьбой о выполнении своего сокровенного желания, которого якобы предавал и был ему врагом? Символическим прощанием с Николаем II первый премьер-министр России С. Ю. Витте окончательно развенчивает все наговоры завистников о себе. В просьбе выражены доверие и надежда о скором решении личного вопроса, который касался положения его внука — сына дочери его жены Матильды Ивановны. Витте и царь чем-то были похожи друг на друга, возможно тем, что оба любили своих жен и детей. Ради своей любимой Матильды Ивановны Витте идет на последний свой демарш — по сути, он просит царя не забывать его и тех,

кто являлся его личным миром. У С. Ю. Витте не было родных детей, однако он души не чаял в любимой приемной дочери Вере Сергеевне Витте-Нарышкиной и своем приемном внуке. Казус Витте состоял в том, что он хотел оставить семье Витте-Нарышкиных в наследство лишь то, что являлось его личной собственностью — графское достоинство — и передать любимому внуку графский титул, который он получил из рук Николая II за заслуги перед отечеством. Пожалуй, царь когда-то проходил такую ситуацию! Вполне вероятно, возник эффект дежавю, на царя неожиданно могли нахлынуть воспоминания о его собственном заведении, где решался династический вопрос, возникший в 1900 г. в связи с его болезнью и в котором Витте играл активную роль. Тогда и царь, и Витте оказались в сложной ситуации, но вопрос был направлен в легитимную плоскость, и проблема о наследнике решилась, как требовал закон. Конечно же, ситуация, которую выстроил Витте после своей смерти, ставила царя в трудное положение. В его просьбе звучала нота доверия и уверенность в сохранении за любимым внуком своей фамилии и графского титула. Витте положился на личное усмотрение государя императора Николая II, а не на закон. После некоторого молчания царь сказал, что о своем решении он сообщит позже и положил письмо в ящик письменного стола. К сожалению, царь не выполнил последнюю просьбу Витте [3, с. 97]. Николай II не сказал обычное «я подумаю», для присутствующих это могло быть равнозначно тому, что он с этим не согласен [9, с. 448]. Но царь не сказал своего «я подумаю». Видимо, он решил вернуться к этому вопросу позже, но трудные обстоятельства, которые в последующее время захлестнули царя и его семью, не позволили ему выполнить просьбу Витте. И это была жестокая реальность. Просьба Витте о наследовании внуком его графского достоинства канула в Лету.

В «Воспоминаниях» С. Ю. Витте как бы прокручивает время в обратном порядке, погружая себя в свои собственные переживания и радости, интриги и потери. Картина его жизни — это не проигрыш, несмотря на то, что Николай II официально инсценировал ему две отставки: первая отставка произошла в 1903 г., хотя для этого не было никаких причин. Что касается последовавшей за ней второй отставки в 1906 г., то Витте сделал ход конем — уход из политики стал его вынужденным, но личным желанием. Он predetermined, как ему казалось, унижительные действия Николая II против себя и сам попросил отставки.

История взаимоотношений Николая II и Витте — это сложные личные и государственные отношения, они, безусловно, не останавливали развитие российской государственности, но она все более скатывалась к падению самодержавия. Парадокс в том, что их совместные реформы на государственном поприще изменили ход общественного развития России. Противореча своим личным убеждениям, они преодолели абсолютный монархический принцип управления и первыми приспособили самодержавные формы правления к народному представительству, т. е. к демократии — Николай II и Витте в 1905 г. стремительно вывели Россию на уровень европейской цивилизации.

Несмотря на то, что Николай II прерывал дважды карьеру самого известного и успешного министра в своем правительстве, до конца своей жизни Витте не терял надежды на то, что ему позволят вернуться на государственную службу, чтобы доделать то, что не успел.

По сути дела, Витте в министерской должности не обольщался блеском власти, скорее олицетворял ее блеск, как государственный. Из этого следует понимать, что Витте не был просто чиновником-карьеристом. И хотя в его реформах укреплялся его личный авторитет во власти, все реформы, в первую очередь, были направлены на повышение экономического уровня страны и политического авторитета России в Европе. Неслучайно либеральный публицист А. С. Изгоев настаи-

вал в статье московского журнала «Русская мысль», что по размаху творческой энергии Витте можно приравнять только к деяниям Петра Великого¹.

Разумеется, сегодня трудно рассматривать позиции Николая II и графа С. Ю. Витте друг против друга, понять степень их виновности в разрыве отношений. Душевная трагедия обоих состояла в том, что их мир друг без друга — ничто. Кто из них проиграл, а кто выиграл — рассудила история. Более того, совершенно очевидно, что Витте принимал идеологию Николая II, позволяя творчески с ней обходиться и внося в нее свою неповторимость. Об этом говорят все реформы Витте — они были не чем иным, как отражением их совместного государственно-го творчества.

А. Ф. Кони в своем политическом эссе о Витте высказал весьма лаконичную мысль, хотя нелицеприятную для царского режима. Он как бы пытается оправдывать Витте в том, что если он что-то не доделал в своей карьере, то лишь потому, что жил «в бесцветное и роковое царствование» [5, т. 5, с. 255]. Разумеется, сам Витте так не считал. Для него государственная служба — это была служба Отечеству. Пусть недолг был этот путь, но его блеск до сих пор не гаснет. Будучи по духу монархистом, он связывал свои успехи лишь с императорской властью. Другое дело, его личные пристрастия и личные душевные переживания, т. е. все то, что покорялось его человеческой воле... все это осталось для других тайной.

Когда звонил колокол по Витте, он был медленным и печальным ... он звонит один раз в жизни, когда уходящий в иной мир его уже не слышит. В мирской жизни обычно его называют погребальным. А для Николая II лишь со смертью Витте исчезает очаг напряжения и царит в его сердце, как он писал в письме к своей жене от 28 февраля 1915 г., «истинно пасхальный мир».

Литература

1. Ананьич Б. В., Панеях В. М. Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. М., 2006.
2. Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. От составителей // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994.
3. Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение (Париж). 1965. № 166.
4. Дневники Императора Николая II. М., 1991.
5. Кони А. Ф. Открытие I Государственной Думы // Собр. соч. в 8 т. М., 1966–1969.
6. Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна и император Николай II. Мать и сын. М., 2013.
7. Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1992.
8. Переписка Николая и Александры. 1914–1917 / сост. А. А. Сергеев. М., 2013.
9. Суворин А. С. Дневник. М., 2015.
10. Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / в 2 т. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004.

References

1. Ananyich B. V., Paneyakh V. M. *Power and reforms. From autocratic to the Soviet Russia* [Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoi k Sovetskoj Rossii]. M., 2006. 733 p. (rus)
2. Ananyich B. V., Ganelin R. Sh. *From originators* [Ot sostavitelei] // Nicholas II. Memoirs. Diaries [Nikolai II. Vospominaniya. Dnevnik]. SPb., 1994. 560 p. (rus)
3. Bark P. L. *Memoirs* [Vospominaniya] // Renaissance [Vozrozhdenie] (Paris). 1965. N 166. (rus)
4. *Diaries of the Emperor Nicholas II* [Dnevnik Imperatora Nikolaya II]. M., 1991. 736 p. (rus)

¹ Изгоев А. С. С. Ю. Витте // Русская мысль. 1915. № 3. С. 154.

5. Koni A. F. *Opening of the I State Duma* [Otkrytie I Gosudarstvennoi Dumy] // Collected works in the 8 v. M., 1966–1969. (rus)
6. Kudrina Yu. V. *Empress Maria Fedorovna and Emperor Nicholas II. Mother and son* [Imperatritsa Mariya Fedorovna i imperator Nikolai II. Mat' i syn]. M., 2013. (rus)
7. Messi R. *Nikolas and Aleksandra* [Nikolai i Aleksandra]. M., 1992. 447 p. (rus)
8. *Nikolas and Aleksandra correspondence. 1914–1917* [Perepiska Nikolaya i Aleksandry. 1914–1917] / collection of A. A. Sergeev. M., 2013. 928 p. (rus)
9. Suvorin A. S. *Diary* [Dnevnik]. M., 2015. 496 p. (rus)
10. Uortman R. S. *Scenarios of the power: Myths and ceremonies of the Russian monarchy* [Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii]. In 2 t. T. 2: From Alexander II to Nicholas II's renunciation [Ot Aleksandra II do otrecheniya Nikolaya II]. M., 2004. (rus)